

МАЛЕНЬКИЙ БЕГЛЕЦ

На борту большого трехмачтового парусника, вышедшего из одной северной бухты, обнаружен беглец. Пока команда находилась на берегу: кто гулял в местных трактирах, кто был занят в порту заготовкой провизии — сухарей, солонины, масла, сушеного винограда, воды, рома и бренди, — на судно проник мальчишка. И вот, когда корабль уже поднял паруса, паренек, прятавшийся до поры до времени в трюме, появился на палубе.

Капитан придирчиво осматривает приведенного к нему рыжеволосого юнца. Тот охотно сообщает о себе собравшимся: ему всего 12 лет, он из бедной многодетной семьи и сбежал из дома, чтобы стать настоящим «морским волком».

Громкий хохот свободных от вахты моряков заглушает речь маленького мечтателя. Капитан тоже не скрывает ухмылки. По опыту он знает: после двух-трех месяцев в море такие будущие «волки», как правило, сбегают с судна в первом же порту. Но что делать с мальчишкой? Не поворачивать же обратно! Тем более ветер благоприятствует плаванию и нужно как можно скорее доставить груз по назначению. Решение принято — беглец становится юнгой (от немецкого *Junge* — мальчик), то есть подростком, обучающимся морским премудростям и исполняющим обязанности матроса. Мальчишке дают и кличку — обычное дело на кораблях. За свои огненно-рыжие волосы он получает имя Рыжик.

Помыкать Рыжиком и тем более обижать его никто из членов экипажа не собирается, хотя на судне служат разные люди,

характер у некоторых весьма неуживчивый и даже скверный. Мальчишка вносит оживление в их однообразные будни. Он смышлен, весел, услужлив. Многим матросам паренек напоминает об их собственных детях — а это серьезная причина для того, чтобы иногда потрепать юнгу по вихрастой голове или побаловать его куском спрятанного в кармане матросской робы сахара.

Но поблажек не будет! Рыжика, как и всех, ждет изматывающая ежедневная работа. У него свои обязанности. Прежде всего, юнга прислуживает самому капитану: приносит ему с камбуза блюда, наливает в капитанскую кружку горячий чай с ромом, чистит одежду и набивает ароматным табаком старую добрую капитанскую трубку.

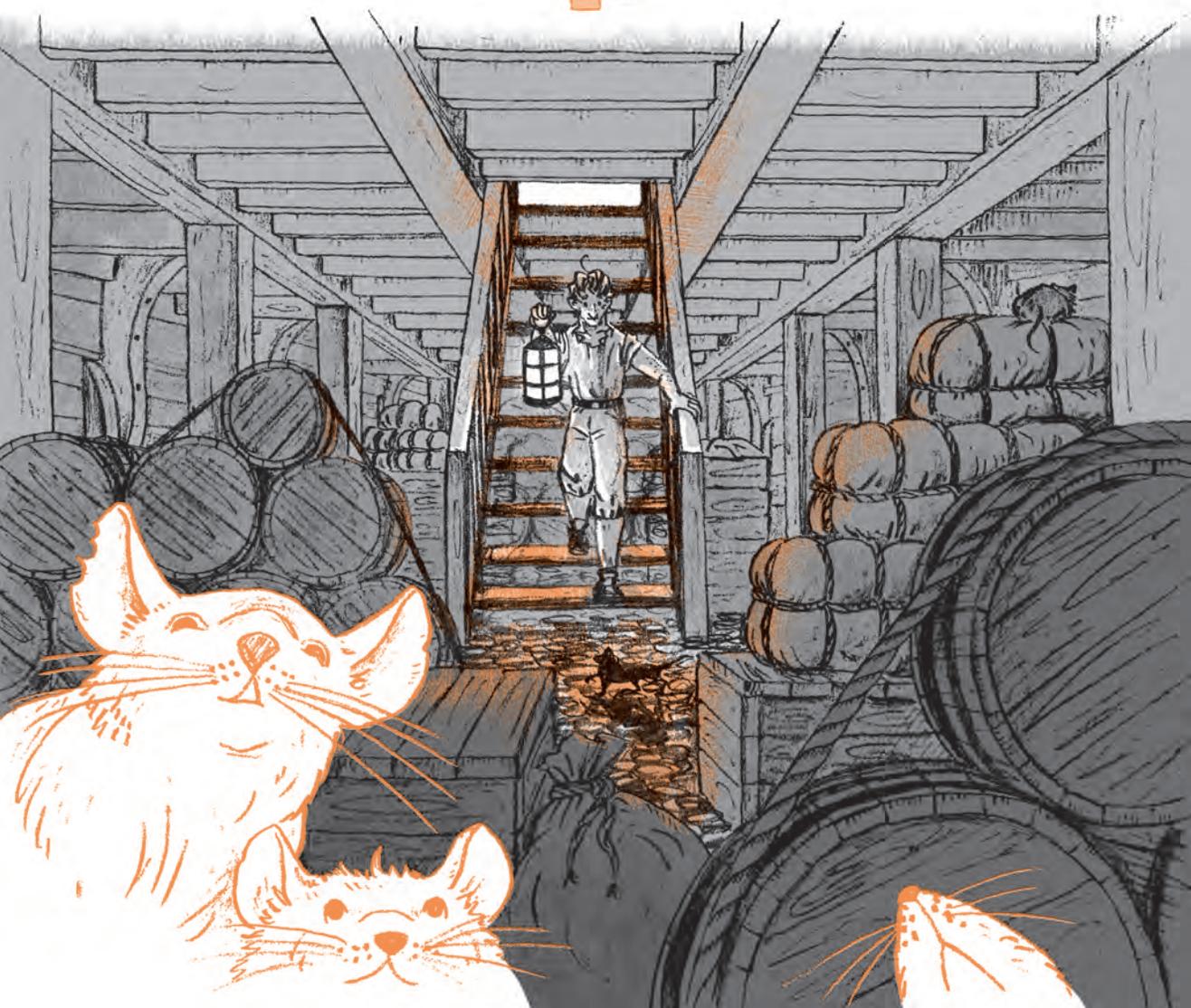
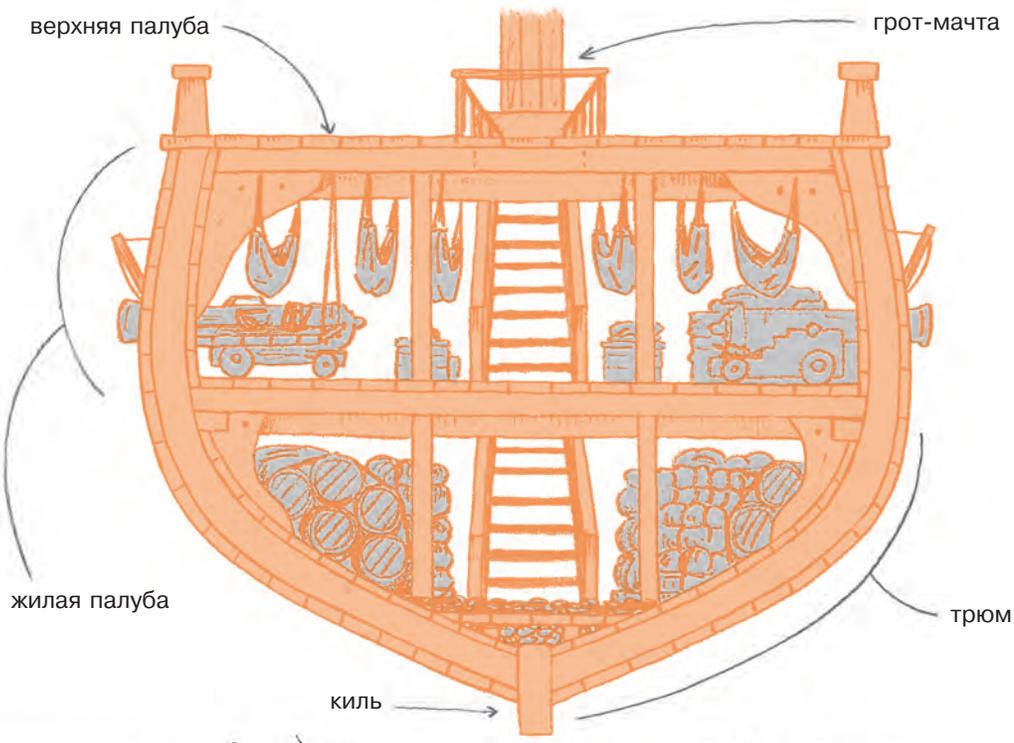
ПАЛУБА, ПУШКИ, КОЙКИ...

Жизнь на парусном судне тяжела даже для крепкого взрослого мужчины — что уж говорить о ребенке! Но паренек справляется. Проходит неделя. Рыжик привык к болтанке, к подвыванию ветра в снастях, постоянным скрипам и треску корабельного дерева. К удивлению многих, он быстро обжился.

Схватывающий все на лету юнга уже знает, где что лежит. Когда капитан дает поручение принести в капитанскую каюту бочонок бренди, Рыжик не случайно выпрашивает у боцмана фонарь. Мальчишке хорошо известно самое укромное и темное место на судне — трюм. К тому же трюм — и самое большое хранилище запасов еды и напитков. На торговых судах в трюм сгружают тюки с товарами.

Спустившись с зажженным фонарем по деревянной лестнице, у которой есть свое название — трап — юнга находит требуемый бочонок. Пол трюма устлан балластом — железными слитками — чушками. Тяжелые чушки необходимы для обеспечения устойчивости корабля, иначе во время шторма при ударе волны в борт судно может перевернуться. Кроме того, устойчивость дают и многочисленные бочки с водой и ромом, мешки с провизией и огромный ящик с ядрами.

Отсутствие солнечного света не позволяет высушить трюм, здесь царит сырость. Ко всему прочему, в трюме живут крысы. С омерзительными корабельными грызунами — здоровыми, наглыми, шныряющими повсюду — парень уже столкнулся.

Поставив фонарь на ближнюю бочку, Рыжик невольно зажимает нос. Уложенные на дно трюма чушки засыпаны галькой, впитывающей все испарения. Сюда с верхних палуб просачиваются отходы, а сквозь щели в подводной части корпуса проникает вода, которую приходится время от времени откачивать, — ее остатки также гниют.

Впрочем, весь корабль пропитан далеко не райскими благоуханиями! Подводную часть корпуса покрывают смесью из дегтя и серы — а серой, как известно мальчику, пахнет в аду. Краску для наружной обшивки готовят из древесного угля, сала, сажи и все той же серы. Поверх обшивки наносят состав, в который входят сосновая смола и шерсть животных. Подобной дрянью мажут не только корпус, но и мачты, и прочие палубные детали. Бегучий такелаж — подвижные тросы — нещадно смолят. Повсюду на судне стоит запах дегтя и скипидара, хотя именно трюм по части зловония уверенно держит пальму первенства.

Подхватив маленький бочонок, юнга с радостью покидает неуютное место и поднимается на «этаж» повыше. Над трюмом находится жилая палуба, такая же влажная, плохо пахнущая, тесная. Правда, здесь есть свет, хотя и тусклый, — его дает большой палубный иллюминатор в центре низкого потолка. Юнга тушит фонарь и осматривается.

На палубе стоят пушки, по четыре с каждой стороны. Двенадцатифунтовые орудия — надежная защита от нападений пиратов. Специальные окна, в которые в случае опасности выдвигаются их дула — на парусном флоте их называют «портрами», — надежно задраены квадратными люками. Деревянные пушечные лафеты на колесах прикреплены к доскам палубы и корпусу судна при помощи канатов и крюков. Пушку стараются крепить к лафету особенно тщательно: если во время шторма ее сорвет, многотонная громадина начнет кататься по палубе, разбивая все вокруг и калеча людей.

Жилая палуба заставлена лафетами, артиллерийскими штопорами, шомполами, губками, ящиками для хранения пороховых зарядов, бочонками для фитилей, ящиками для ядер, тюками с товаром, запасными реями и стеньгами, подвесными столами для приема пищи... Это место обитания большинства матросов.

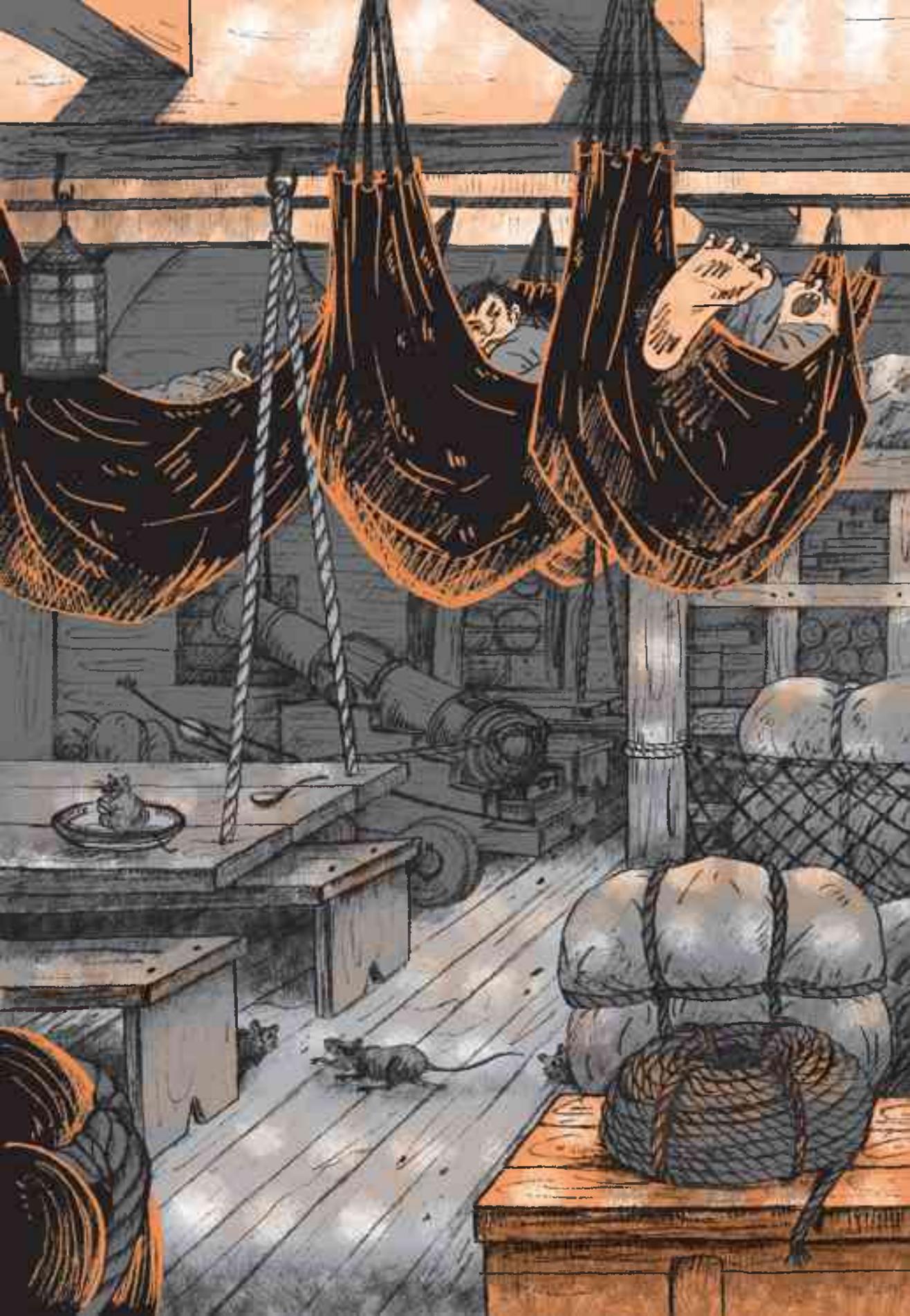
На каждого человека полагается всего лишь квадратный метр. Над пушками и тюками на веревках, подвешенных к потолку, повсюду качаются парусиновые гамаки-койки.

Любознательный Рыжик слышал от старшего офицера, что гамаки прижились на флоте благодаря южноамериканским индейцам. Оказавшиеся в Южной Америке испанцы и португальцы быстро переняли привычку местных жителей отдыхать в подобных «кроватях».

Коек так много, что они подвешены вплитык друг к другу. Такая теснота спасает отдыхающих моряков во время качки, в противном случае при волнении на море койки начинают сильно раскачиваться и в них мутит даже привычных ко всему морских волков. Но, с другой стороны, тому, кто ложится спать, приходится нелегко. Ведь нужно не только забраться в койку, но и более-менее удобно в ней улечься, а это из-за тесноты не всегда получается. Кроме того, когда задраены люки пушечных «портов», воздух становится спертым и удушливым: попробуй усни в такой обстановке!

Ко всем прочим неудобствам, в центре жилой палубы расположилась корабельная кухня — камбуз, с колодой для рубки дров, досками для разделки мяса, баками, котлами, ведрами, плоскими, поварешками, бочками. Постоянно потрескивают горящие дрова в камбузной печи, вокруг которой пол посыпан песком для безопасности. Камбуз настолько загроможден посудой, что корабельный повар — кок — в нем едва поворачивается.

В носовой части палубы, отделенная от нее перегородкой, находится баталёрка, или кладовая боцмана, снизу доверху забитая канатами, флагами, запасными фонарями и частями такелáжа. Там мальчишке тоже приходится частенько бывать.

РАЗНИЦА МЕЖДУ ФОРПИКОМ И КАПИТАНСКОЙ КАЮТОЙ

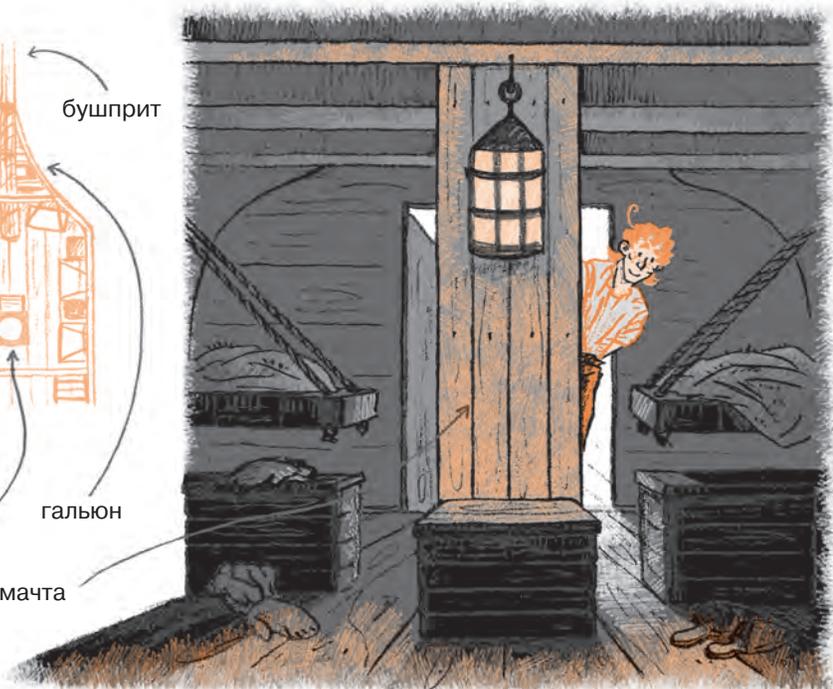
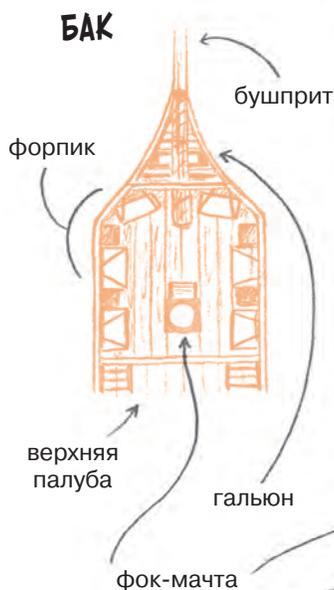
На верхней палубе, конечно же, веселее! Над юнгой проскользнула тень альбатроса. Птица словно застыла в небе. На всех трех мачтах работает вахта: повинуюсь приказаниям вахтенного офицера, старшие товарищи Рыжика быстро и умело убирают паруса — судя по всему, надвигается шторм. Сам он не может надышаться свежим воздухом.

Прежде чем направиться в большую и вместительную капитанскую каюту, мальчишка бросает взгляд на нос судна. Впереди передней мачты, называемой фок-мачтой, на корабельном носу есть кубрик, который определили ему для проживания. Это так называемый форпик — совершенно негодное для обитания помещение на корабле. Дело в том, что нос (или бак) постоянно качает, в форпик то и дело попадают брызги. В свежую погоду он может погрузиться в воду почти целиком — поэтому здесь и не размещают грузы, а вот людей — пожалуйста! Если капитанская и офицерские каюты находятся на корме — самом удобном для проживания месте, — то матросы, которым не повезло с размещением, ютятся именно в форпике, да еще и на голых нарах. Подобных «счастливых» остальных члены экипажа называют ребятами с бака.

В кубрике темно и тесно: над головами его обитателей днем и ночью горит фонарь, отбрасывая длинные тени. Редко кто не спотыкается здесь в полутьме о матросские сундучки, которые служат сиденьями. Сундучки не пропускают воду, а в их днища

вделаны особые крючки, чтобы во время качки они не перемещались по палубе. В сундучках — нехитрые матросские пожитки: пара-другая сменного белья, парадные башмаки, горсть родной земли в мешочке (такие мешочки обязательно кладут в сундуки морякам их жены и матери) и, конечно же, Библия. Несмотря на то, что некоторые матросы не умеют читать, по морским поверьям, наличие у моряка «святой книги» — непереносимое условие благополучного плавания.

«Ребята с бака» обустраивают свой нехитрый быт как могут. Они расстилают на доски разнообразное тряпье, сооружают себе подушки, набивая старые рубахи стружками или шерстью, укрываются лоскутными одеялами. У Рыжика не было своего одеяла, и несколько дней он спал под дерюгой, пока над парнишкой

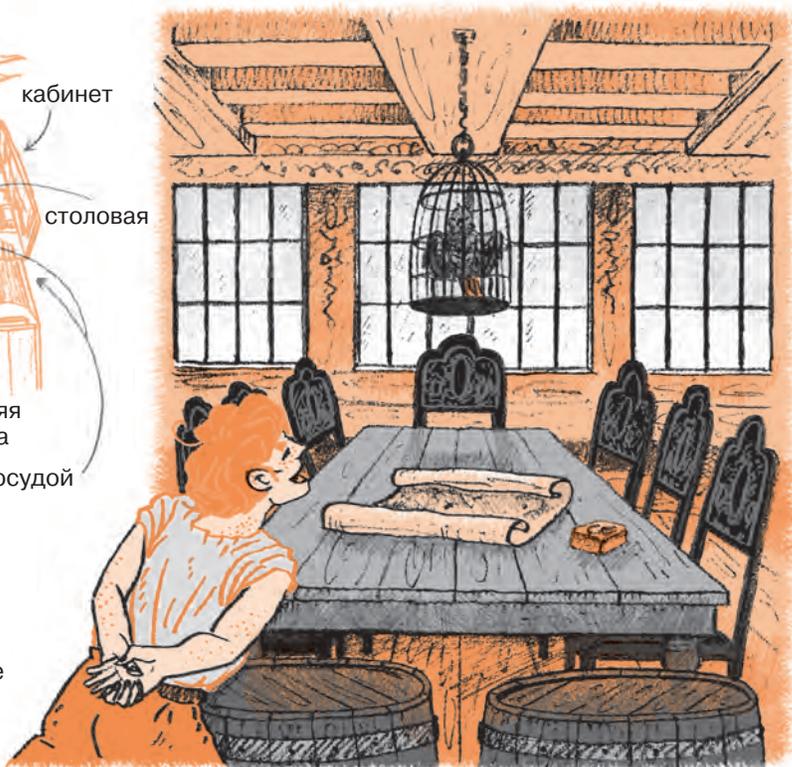

не сжалились и не нашли ему кусок парусины. Но подушкой юнге по-прежнему служит кулак, а тело его болит от лежания на досках. Впрочем, с подобным неудобством еще можно смириться. Настоящее бедствие носового кубрика — клопы и блохи, которые не дают как следует выспаться даже самому закаленному и, казалось бы, ко всему привыкшему матросу с дубленой шкурой. При одном только воспоминании о беспощадных кровопийцах юнге хочется почесаться.

И вот Рыжик уже в просторной капитанской каюте. Жилище капитана по местным меркам роскошно. Оно занимает всю кормовую часть судна и состоит из столовой, личного кабинета (так называемой дневной каюты) и спальни. Целый ряд больших окон придает ему праздничный вид.

Столовая — место сбора офицеров корабля, обедов с капитаном, а иногда и дружеских пирушек — располагается в середине каюты. Длинный широкий стол со всех сторон окружен крепкими, удобными стульями. С потолка над столом свисают несколько крючьев, по вечерам на них цепляют фонари, внутри

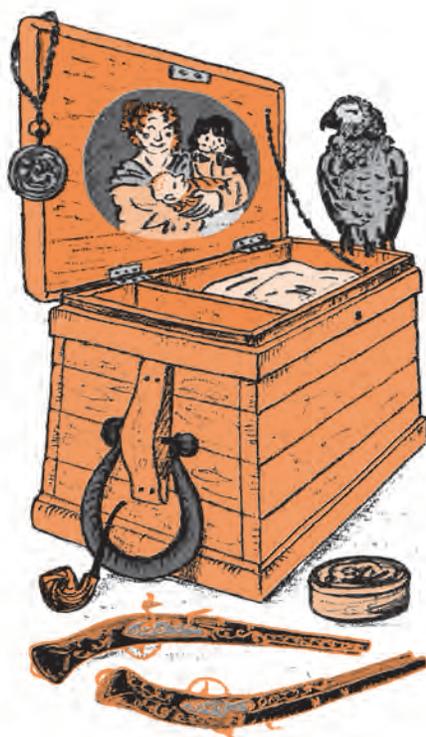
КОРМА

которых горят большие свечи. Открытый огонь на судне — опасная вещь, потому подсвечников на корабле не держат. В двух настенных шкафчиках — посуда. Вилки, ножи и ложки лежат в коробках из вяза. Стекланные бокалы и кубки хранятся в особых кожаных тубусах, выложенных изнутри густой овечьей шерстью. Для коробок и тубусов в шкафчиках существуют деревянные гнезда — не лишняя предосторожность на случай бури, когда все незакрепленные вещи летят со своих мест.

С одной стороны столовой находится маленькое помещение — уже упомянутая дневная каюта. В ней стоит изящный столик с не менее изящным креслом. Здесь капитан пишет письма, ведет судовой дневник и, если есть время, читает. Рыжику известно, что в запертых ящичках столика хранятся личные капитанские вещи: два заряженных пистолета, большие серебряные часы с цепочкой, коробка крепкого душистого табака, запасные трубки, портрет капитанской жены с детьми и, наконец, мешочек с деньгами. В сундуке — не чета матросским! — сложена одежда капитана. Ключи от надежных ящичков и от большого сундучного замка он постоянно носит с собой.

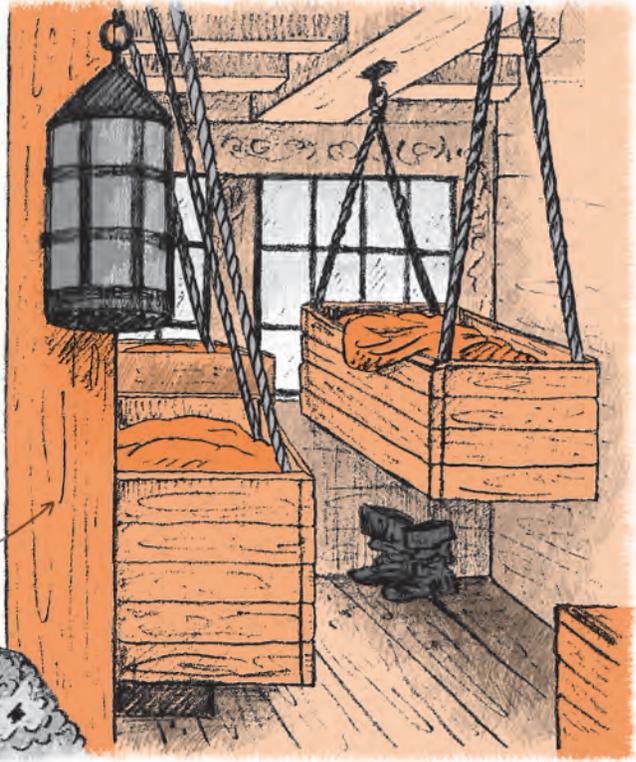
С другой стороны расположилась спальня. В этом закутке, подвешенный на веревках к специальным кольцам, покачивается большой и удобный ящик с периной, подушкой и одеялом, который напоминает колыбель. При желании капитан может задернуть занавески над подвесной кровати. Юнга слышал от матросов: когда капитан или офицеры судна погибают или умирают, ящики-колыбели служат им гробами. Кстати, об офицерах: их каюты (конечно, гораздо меньших размеров) находятся под капитанской. В те помещения с верхней палубы ведут два трапа, расположенные по сторонам дверей в главную каюту.

Судно везет одного совершенно праздного пассажира. Над длинным столом — клетка с вечно взъерошенным, злым попугаем. Вошедшего юнгу любимчик хозяина встречает угрожающим щелканьем клюва. Он так и норовит ухватить Рыжика за палец, особенно когда тот чистит клетку. Иногда попугай при виде парня начинает повторять заученные ругательства или просьбы.

«Дай табаку!» — встречает птица мальчишку, однако на этот раз юнга не обращает на пернатого никакого внимания. Рыжик ставит бочонок под стол и, пока нет грозного хозяина, рассматривает лежащие на столе карту и циркуль. Он не может удержаться от желания дотронуться до забытой складной подзорной трубы, но не решается ее взять. Пора уходить. Капитан рассердится, если увидит его без дела глазеющего на карты и инструменты. Напоследок юнга окидывает каюту, в которой столько интересных вещей, завистливым взглядом, показывает попугаю язык и сокрушенно вздыхает. Отдыхать ему некогда: с утра до вечера мальчишку ожидает работа, которую его товарищи по кубрику называют не иначе как проклятой...

КОРМА

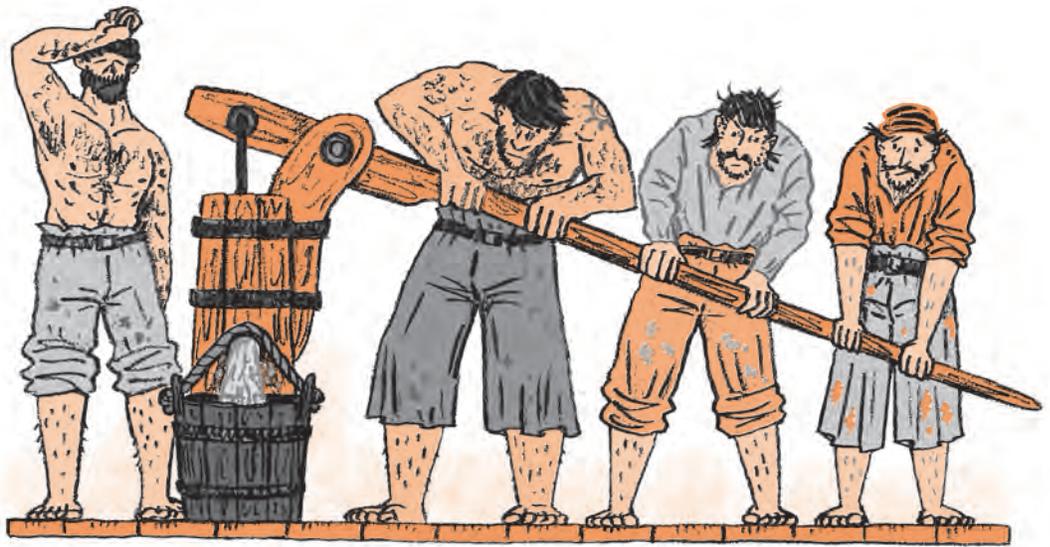

ЭТА ПРОКЛЯТАЯ РАБОТА

Что-то, а работы на парусниках всегда невпроворот! Утро начинается с откачивания из трюмов воды. Как тщательно моряки ни конопатят днище, как ни стараются обезопаситься, вода и во время плавания, и во время стоянки судна в порту все равно просачивается. И счастье, если за ночь ее прибывает не очень много. При особо сильной течи приходится пошевеливаться и днем и ночью. Иногда от расторопности моряков зависит судьба корабля.

Качают воду при помощи трюмных помп. По трое матросы наваливаются на длинный рычаг каждой громоздкой помпы. Шланги помп весьма коротки — вот почему остальным членам экипажа под присмотром боцмана, щедро награждающего за трещинами тех, кто замешкался, приходится цепочкой выстраиваться по трапу и передавать друг другу заполненные ведра. Рыжик трудится вместе со всеми — принимает наверху ведра и выливает воду за борт. Парень старается. Уже два раза на своем загривке испытал он тяжесть боцманской руки.

Кроме ежедневной откачки, каждый день нужно драить верхнюю палубу. В уборке участвует вся команда. Прежде всего палубу обильно поливают водой и натирают мылом. В дело вступает большой кусок пемзы, плоский внизу и утяжеленный сверху. Его привязывают к тросу. Несколько человек берутся за трос и возят кусок по палубным доскам. После этого доски вновь оканчивают забортной водой. Затем — сухая приборка при помощи швабр. Воду выжимают и отгоняют к шпигатам — специальным

отверстиям по бортам, сквозь шпигаты она возвращается в море. В любую погоду матросы, штаны которых закатаны, а ноги босы, проклиная капитана, должны возиться с ведрами, пемзой и швабрами, зачастую находясь в воде по щиколотку. Уборка палубы обязательна. Это правило соблюдается неукоснительно на всех кораблях.

Однако откачка воды из трюма и мытье палубы — только начало изматывающего дня! Корабль требует постоянного внимания: его ни на минуту нельзя оставить без присмотра. Понятно, что все двадцать четыре часа в сутки никто, пусть даже самый опытный морской волк «с ракушками на спине», работать не в состоянии. Вот почему на судах существуют вахты. Пока одна часть экипажа бодрствует, другая отдыхает.

Вахты сменяются через каждые четыре часа. Для оповещения смен есть маленький, но чрезвычайно звонкий судовой колокол. Приставленный к колоколу моряк следит за временем по песочным часам. Основа таких часов — стеклянная колба (склянка) с утоньшением посередине. За полчаса песок перетекает из одной части колбы в другую. Вахтенный каждые полчаса дергает за язычок колокола — отбивает склянку. За четыре часа вахты отбивается восемь склянок.

Задача вахтенных — постоянный контроль не только за судном, но и за океаном. На средней, самой высокой мачте, или, как ее называют, грот-мачте, на специальной площадке (мáрсе) всю свою четырехчасовую вахту не смыкает глаз впередсмотрящий

матрос. Именно он рано или поздно приносит команде самую важную весть: «Земля на горизонте!» Вахта правого борта наблюдает за средней (грот) и задней (бизань) мачтами. Переднюю, фок-мачту, опекает вахта левого борта.

Рыжик уже привык к тому, что, как только песка в верхней части колбы после седьмой склянки остается совсем немного, продрогшие вахтенные, готовясь к отдыху, начинают дружно петь: «Семь миновало склянок, господи, вот-вот зазвучит и восьмая...» От их пения, а скорее, крика вскакивают, протирая глаза, те, кому нужно сменить товарищей.

Юнга наслышан и о самой тяжелой вахте («не приведи бог, парень, стоять ее»). Эта странная вахта начинается в полночь и длится до четырех утра. Тем, кто вынужден ее отбывать, всякий раз чудятся странные вещи: то голоса раздаются, то стоны, то непонятные всплески. Особо впечатлительных прошибает холодный пот, когда они замечают в океане таинственное движение. Некоторые клялись мальчишке, что видели чудовищ с горящими глазами и зубастыми мордами. Не раз вахтенные, которым «посчастливилось» бодрствовать в эти часы, замечали и бродящих по палубе призраков. Вот почему такую вахту моряки называют «собачьей».

Во время дневных вахт матросы не только следят за мачтами, но и выполняют множество рутинной работы: без конца что-то красят, драят, шпаклюют... Часто им приходится возиться со шпилем — огромным ручным воротом для поднятия и опускания якоря. Шпиль используют и для замены поломанной мачты, и для установки стеньг и рей. Подобно рабочим лошадкам,

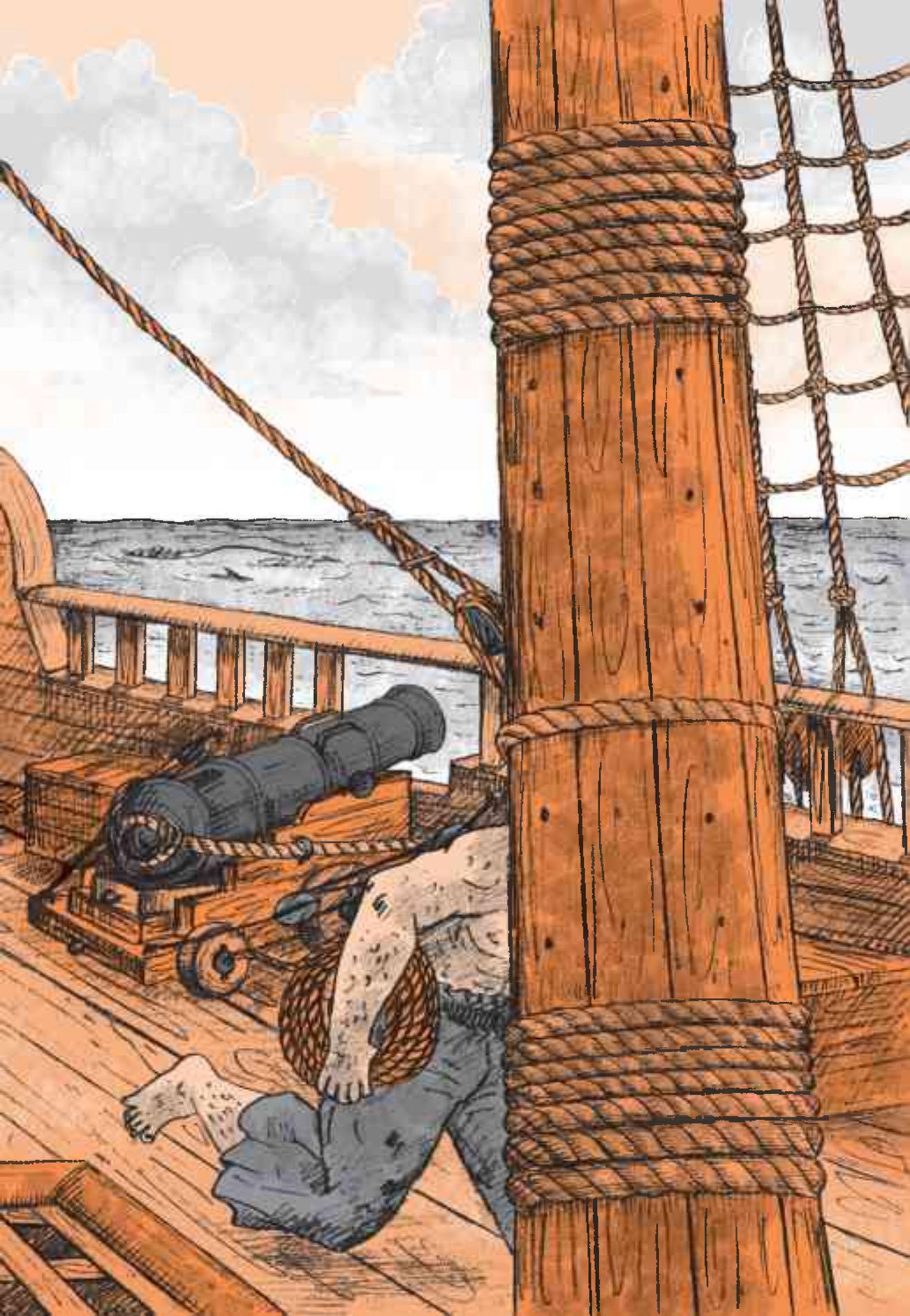

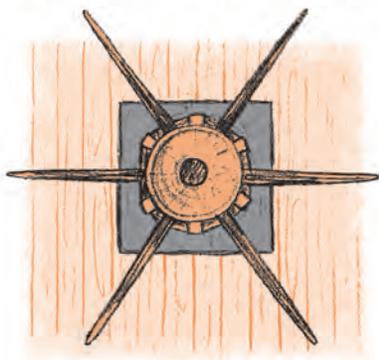
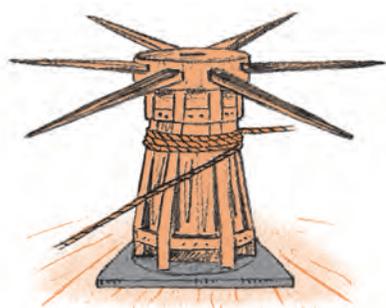
склянка

судовой колокол

шпиль

потные, выбивающиеся из сил вахтенные, схватившись за деревянные шесты и налегая на них всем телом, ходят вокруг шпиля, наматывая канат или цепь, частенько помогая себе заунывной песней.

Один страдалец начинает:

Ох, старое бренди лучше, чем грог!

Остальные дружно подхватывают:

Йо-хо-хо, бренди лучше, чем грог!

Солист поет:

Толкаем сильней, да поможет нам бог!

Матросский хор не может с этим не согласиться:

Йо-хо-хо, да поможет нам бог!

Кроме того, вахтенные бесконечно возятся с тросами, то и дело натягивая какую-нибудь парусную снасть: одни паруса матросы убирают, другие, наоборот, ставят, наполняя их свежим ветром. Парусов много, снастей — еще больше. Самое главное — ничего не перепутать!

Часто вахта сбивается с ног. Рыжик знает: среди моряков, которым сам черт не брат, самые отчаянные — это марсовые. Им, отвечающим за верхние паруса, приходится забираться на головокруговетельную высоту в сорок, а то и пятьдесят метров при качке и ветре. Балансируя там, словно акробаты, марсовые ловко справляются со своим чрезвычайно сложным, порой капризным хозяйством. Сколько раз, задрвав голову и заслонив глаза ладонью от солнца, мальчишка с восхищением следил за их невероятно опасной службой. С обезьяньей ловкостью взлетают по вантам марсовые на самый верх и, едва видные оттуда, работают как сумасшедшие. Марсовые отчаянно храбры и опытны и вызывают невольную зависть юнги, мечтающего когда-нибудь вот так же бесстрашно ходить по тросам над бушующим морем.

«МОРСКИЕ НОГИ», УЗЛЫ И «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»

Каждый матрос на судне должен не только зубок знать все его снасти, но и ловко управляться с ними в самую свежую погоду. Тех, кто еще недостаточно осведомлен насчет деталей бегу - чего и стоячего такелажа, просвещает боцман — угрюмый, сильный старикан с огромными кулаками и красным обветренным лицом. Даже отъявленные бунтари не смеют ему перечить.

Боцман — одна из самых важных персон на судне. На его груди на железной цепочке постоянно болтается свисток — боцманская дудка. Боцман отвечает за хранение канатов, якорей, буйев и анкерштоков, следит за работой по соединению канатов, за отдачей и подъемом якорей, за привязыванием к якорям буйрепов. Боцман — хозяин всего такелажа: он знает судно от киля до клóтика. Во время постановки и уборки парусов он стоит на реях вместе с другими матросами.

С утра до вечера этот неутомимый сквернослов готов гонять «салажню», вбивая в матросские головы названия частей такелажа, стеньг, парусов и рей. Не случайно боцманские уроки, часто подкрепляемые тумаками, моряки называют обучением иностранному языку. Тот, кто научается такому «языку», может затем нести службу на парусном судне любого государства.

«Грот», «фок», «бром», «лисель» звучат одинаково и на немецком, и на голландском, и на английском, и на русском,